

Содержание

<i>А.Н. Варламов. На велосипеде по пересеченной местности</i>	9
Предисловие автора	14
Рукописи не горят	16
В больнице	19
Два профессора	21
Татьянин день	23
Антоний Великий	25
Отец Антоний	28
«Солдатский привал»	30
Итало	32
Философ-водитель категории Б	35
Как я стал лейтенантом	38
Депардье	41
Страшный	44
Чеширский кот	47
Торжество Православия	48
Как я познакомился с дочерью Челентано	50
Свет	56
Хорошая морковка	58

Гоголевская лестница	60
Кофе в Кане	62
Моя первая Пасха	64
Чернобыль	67
Эх, дороги!	69
Уроки английского	71
Как меня зовут?	73
Georgia in my mind	75
Любовь и смерть	78
Случай на экзамене	80
Брат	83
В Почаев только с косметикой	85
Первоиерарх-пономарь	87
Николай Угодник	89
Просветитель	90
«Ты» и «вы»	92
Велосипедная дорожка	94
Гала-концерт	96
Как я пересекал границу	100
Алексей Баталов	105
Случай в поезде	108
Отец Исая	111
«Пьяный паяв»	113
Чтение Псалтири	116
Смерть в Белгороде	118
Сила проповеди	120

Первый мужчина	122
Как я поступал в университет	123
Свадьба	125
Как я поступал в университет – 2	127
Голосование в монастыре	129
Из истории поступающих	131
Олимпиада-80	132
О любви	135
Виктор Цой	140
Танки в Москве	142
Две Дарьи	144
Путь к женщине	148
Успение	151
Одно желание	153
Оговорки	155
Адриан и Наталия	156
Детский дом	158
Крест в Нью-Йорке	160
Владыка Василий	162
У кого грошей нема	165
Умереть молодым	167
Встреча Сами-знаете-кого	169
Трудности перевода	171
Теленок против волка	173
Отец Димитрий Смирнов	174
Аффилиативная потребность	177

Тюрьма — инструмент свободы	179
Картинная галерея	182
Английский юмор	185
Метафора жизни	187
О новой реальности	189
Клаустрофобия	192
Идиот	196
Монах Михаил	198
Два мыслителя	200
Славянизмы	202
Что случилось с Иосифом?	203
Отец Митрофан	205
Храм Александра Невского	208
Иван Васильевич	211
Страна богов	213
Итоги года	216
Отец Гавриил (Бунге)	218
Брачный пир	221
Т-образный перекресток	223
Новогодняя история	225
Ars longa	226

На велосипеде по пересеченной местности

Я принадлежу к тому поколению, которое с детства любило не только читать, но и слушать. Бабушка ли нам рассказывала долгими вечерами истории из своей жизни, соседка ли тетя Катя на даче или «Радионяня» в трехпрограммном громкоговорителе, но только, как начнутся эти байки, так кажется, нет в мире ничего более занимательного. И проишь: «Ну, еще, пожалуйста, еще».

Потом, уже в студенческие годы, не раз приходилось мне ездить в фольклорные экспедиции на Русский Север, в Калужскую область, в Закарпатье. Там мы ходили от избы к избе и записывали предания минувших дней: какие были обычаи, как детей крестили, как свадьбы играли, как хоронили. В том старинном деревенском бытии, когда не существовало телевизоров, эти рассказы были не просто частью культуры, но самой жизнью. Недаром в Поморье рыбаки, уходившие на

много месяцев на промысел, брали с собой сказителя, в чьи обязанности входило рассказывать истории до тех пор, пока последний из его слушателей на заснет.

Архимандрит Симеон (Томачинский) тоже видится мне таким сказителем. Часто ведь случается, что одаренный литературными способностями человек в силу разных обстоятельств не пишет романы или поэмы (хотя, может, и пишет — кто знает?). Но талант у него есть, а талант, как известно, закапывать в землю нельзя. И тогда на свет рождается книга вроде той, которую читатель держит в своих руках, — воскресные истории, хотя они могли бы быть и понедельничными, и четверговыми, и субботними. Однако в те дни у серьезного человека других дел по горло, а вот воскресенье можно оставить для сказок, и на каждое из воскресений года у автора припасена своя притча.

Я отца Симеона знаю много лет. Во-первых, у нас общая альма-матер — филологический факультет Московского университета, и, хотя учились мы в разные годы, все равно и предметы, и многие преподаватели, и военная кафедра, да и те же фольклорные экспедиции, — все это у нас было общее.

Во-вторых, отец Симеон издал когда-то книгу моих рассказов, а кроме того, судьба несколько раз сводила меня с батюшкой во время совместных путешествий, одно из которых, кстати, описано в этой книге. Но не это главное. А главное то, что однажды во Пскове я увидел, как почтенный клирик катит на велосипеде, и вот тогда-то почувствовал к нему исключительное расположение.

Велосипедисты, независимо от профессиональной и конфессиональной принадлежности, — это особая порода. Они, как правило, люди веселые, свободные и очень легкие на подъем. Когда их велосипед везет, а когда и они его на себе тащат. Сочинение отца Симеона тоже вроде езды на велосипеде по пересеченной местности: где-то в горку, где-то под горку, а где-то приходится и на себе велосипед нести.

И, кстати, не случайно велосипед не раз появляется на страницах книги. Я прочитал ее на одном дыхании, потому что ужасно интересно читать, когда не знаешь, что ждет тебя за поворотом и куда заведет тебя автор.

Вот мы в Сретенском монастыре, а вот в Грузии, вот в Чернобыльской зоне, а вот

в Италии, в швейцарских Альпах, на Афоне, в Нью-Йорке... Вот во времена давно прошедшие, а вот в самые что ни на есть нынешние: прифронтовой Белгород, где собирают помощь нашим бойцам и где погибает от украинской ракеты украинский беженец — и все это одна человеческая история. Наша общая жизнь, схваченная, запечатленная, как фотографический снимок, наблюдательным, умным и добросердечным путешественником.

Жанр, избранный автором, не нов, что он и сам признает в своем предисловии. И если вспоминать его знаменитых предшественников, то можно назвать и Солоухина с «Камешками на ладонях», и Астафьева с «Затесями», и Солженицына с «Крохотками». А дальше и глубже в историю — Пришвина, Розанова... Но в литературе мы все так или иначе обречены изобретать свой велосипед, а у велосипедистов это получается особенно убедительно.

В воскресных историях есть то, что, по большому счету, нас всегда влечет в литературе и в жизни — человеческие характеры и лица. В основном добрые, светлые, что тоже по нынешним временам в русской словесности редкость и вдохновение.

Люди, всем хорошо известные, такие как актеры Алексей Баталов и Жерар Депардье, или же известные, что называется, в узком кругу, как епископ Василий (Родзянко) или священник Дмитрий Смирнов, но все это яркие личности, с которыми автору повезло общаться, а значит, благодаря ему и нам тоже.

Церковный мир — штука жутко удивительная, увлекательная еще и потому, что каждый священник, каждый инок сталкивается с огромным количеством характеров, ситуаций, случаев, драматических, печальных, смешных, веселых, каких угодно. Собранные однажды вместе, они позволяют взглянуть на нашу жизнь под особым углом. Именно этот взгляд и дорог мне в воскресных историях, читая которые не устаешь поражаться человеческому разнообразию. И хочется, как в детстве, воскликнуть: «Ну, пожалуйста, еще одну историю! Еще!»

*Алексей Николаевич Варламов,
ректор Литературного института им. Горького,
доктор филологических наук, писатель,
лауреат премии «Большая книга»,
Патриаршей литературной премии,
премии им. А. И. Солженицына и др.*

Предисловие автора

Эта книжечка родилась из воскресных историй, которые я в течение пяти лет рассказывал в своем телеграм-канале «Семинариум» (<https://t.me/SymSem>). Разумеется, для книжного издания все тексты были пересмотрены и доработаны. Мне показалось, что, собранные вместе, они дают какой-то занимательный образ. По крайней мере, повышают настроение.

У Петра Мамонова были несколько томов таких записочек под общим названием «Закопючки». Вот это — что-то подобное. Можно вспомнить еще «Безбилетного пассажира» Георгия Данелии, такие веселые байки из жизни. Это в смысле обозначения жанра, а не сопоставления себя с грандами и мэтрами.

Конечно, нельзя не упомянуть и «классику» — «Несвятые святые» архимандрита, ныне митрополита, Тихона (Шевкунова). Мне довелось быть издателем его книги и одним из пары десятков редакторов, поскольку в те

годы я был директором издательства Сретенского монастыря. Так вот, мы довольно долго обсуждали название будущей книги, пока отец Тихон не пришел к окончательному решению. И одним из вариантов был такой: «Хотите верьте, хотите нет». Чтобы он не пропал, я решил озаглавить так свою книгу.

Все даты проставлены в историях условно, поскольку воскресенье приходится каждый год на разные числа. Однако часто истории привязаны именно к конкретной дате.

3 января

Рукописи не горят

История совершенно подлинная. Случилась она в конце 90-х.

В одном из монастырей... Ну, вы, наверное, понимаете в каком. Наместник наконец-то получил документ о передаче зданий, подписанный премьер-министром. Это был очень ценный для монастыря документ, поскольку тяжба шла долгое время.

Наместник принес эту драгоценную бумагу, с гербовой печатью и заветной росписью, передал ее своему послушнику-келейнику и сказал: «Смотри, береги как зеницу ока, это единственный экземпляр. Завтра утром я его у тебя заберу».

Однако послушник был таким, скажем, не обремененным чрезмерным чувством ответственности. Не парился из-за пустяков, как сейчас говорят. Он пошел попить чайку, неловко повернулся и... случайно разлил

заварку на ценную бумагу. Документ покрылся разводами, печать расплылась, подпись премьер-министра стала ни на что не похожа — так мог бы расписаться какой-нибудь сантехник с большого перепоя. Разумеется, официальным документом эта бумажка уже не являлась, а годилась только для технических надобностей.

Послушник понял, что его ждет трудный разговор с наместником. Но все же он был верующим человеком и решил, что надо молиться. А что еще делать?

И он молился по-настоящему. Всю ночь. Может быть, вообще никогда в жизни так не молился. Боролся с Богом, как ветхозаветный Иаков, всю ночь напролет. Хотя по-человечески, что можно было сделать? Что Господь мог изменить? Новую бумажку сотворить?

Наутро приехал наместник. К нему с трясущимися руками, бледный, изможденный всенощной молитвой, подошел келейник, уже готовый упасть в ноги с покаянием. «Батюшка, наша бумага за подписью премьер-министра...» Наместник его перебил: «Да не нужна уже эта бумага! Утром премьера сняли

с должности. Его подпись больше ничего не значит».

Послушник остолбенел. А когда осознал, что случилось, возрадовался и начал скакать, как царь Давид пред Кивотом Завета.

Но чай с тех пор пил осторожно.

15 января

В больнице

Молодая мама лежала в одной московской больнице со своим третьим ребенком Васей, полутора лет. Он заболел воспалением легких.

Поскольку случилась эпидемия кори, больницы были переполнены, и детей до трех лет укладывали в одну лечебницу, а тех, кто старше, — в другую. Палаты тоже были забиты.

Родители лежали в них с детьми, невзирая на различия полов и тем более на конфессиональную принадлежность.

И вот маму с Васей поместили в палату, где, помимо других женщин с детьми, лежал еще один мужчина, назовем его Ибрагим. Он оказался практикующим мусульманином и пять раз в день совершал намаз. То есть расстилал коврик и читал молитвы, не обращая ни на кого внимания.

Полуторагодовалый Вася не сразу понял, что к чему. Вначале он осторожно подходил к коврику с Ибрагимом и внимательно смотрел за происходящим. Наблюдал. Но уже на третий раз Вася подошел, постоял, послушал, а в конце молитвы тихо, но уверенно произнес: «Аминь». Ибрагиму это очень понравилось: он рассмеялся, потрепал мальчика по волосам и угостил яблоками.

Теперь пять раз в день в палате происходило одно и то же. Ибрагим расстилал коврик, совершал молитвы, Вася тихонько стоял рядом, а в конце говорил: «Аминь».

Женщины наблюдали за происходящим с неподдельным интересом. Из соседней палаты даже приходил посмотреть афроамериканец со своей дочерью. Межрелигиозное сотрудничество развивалось успешно.

23 января

Два профессора

Сегодня на поминальной трапезе в сороковой день по кончине профессора Московской духовной академии Константина Ефимовича Скурата один из священников поделился интересной историей.

Он рассказал о своем дяде, докторе наук, профессоре МГУ, который преподавал на биологическом факультете. Понятно, был членом партии, как и вся его семья.

С Константином Ефимовичем они были соседями по даче, подружились и периодически ходили друг к другу в гости. Оба — профессора: один — МДА, другой — МГУ. Дяде было любопытно увидеть совершенно иной подход к жизни и другой тип преподавателя.

В свою очередь, он однажды показал Скурату свои конспекты по биохимии. Константин Ефимович с большим вниманием их изучил и резюмировал: «Велика премудрость Божия!»

Дядя обомлел. В тот раз он ничего не ответил коллеге, но крепко задумался. Он-то считал, что это чистая наука, законы природы и все такое, а тут ведь вот, оказывается...

Постепенно дядя пришел к вере и умер уже убежденным православным человеком.

25 января

Татьянин день

Первый номер газеты МГУ «Татьянин день» мы готовили до последнего момента. Еще накануне, 24 января 1995 года, верстка и правка продолжались, так что я даже опоздал на первую всенощную в новооткрытом домовом храме. А на следующий день, когда вышел в стихаре в конце службы читать житие святой мученицы Татианы, только открыл рот — и тут же у меня из носа хлынула кровь. Пришлось срочно ретироваться.

Из-за спешки или по какой другой причине в первом номере, который вышел-таки 25 января, 25 лет назад, с обложки пропало не-большое изображение Главного здания МГУ (мы потом шутили, что, мол, духовная цензура не пропустила).

Университет вообще постоянно норовил куда-то пропасть. Так, когда через несколько лет мы взяли интервью у ректора Виктора

Антоновича Садовниченко и назвали его «Мой университет», то получилось вот что. На обложке стоит улыбающийся Виктор Антонович и говорит: «Мой». Что — «мой»? То ли Татьянин день — мой, то ли новый эпикурейский призыв: «Ешь, пей, мой»?

Пришлось срочно все перепечатывать.

Зато Татьянин день теперь студенты отмечают повсеместно.